

*Посвящается Томасу Уильямсу (1926–1991) — поэту,
романисту и великому американскому рассказчику*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мифы, убеждения, вера и «Хотите — верьте, хотите — нет!»

Ребенком я верил всему, что мне говорили, всему, что я читал, и всему, чем делилось со мной мое сверхбогатое воображение. В результате я часто не спал по ночам, зато мой мир наполнился цветами и фактурой, которые я бы не променял на целую жизнь безмятежных ночей. Видите ли, даже тогда я знал, что в мире есть люди — и немало, — чье воображение или притупилось, или полностью омертвело, люди, страдающие душевным дальтонизмом. Я всегда их жалел и даже представить себе не мог (во всяком случае, тогда), что многие из этих лишенных воображения людей или жалели меня, или презирали, и не только из-за моих иррациональных страхов: главная причина состояла в том, что я полностью и бесповоротно верил практически всему. «Это мальчик, — думали некоторые из них (про свою мать знаю точно), — который купит Бруклинский мост, и не единожды, а будет покупать снова и снова, всю жизнь».

Полагаю, тогда в этом была толика правды, а если быть честным, есть и сейчас. Моя жена до сих пор любит рассказывать, как ее муж в нежном возрасте двадцати одного года, впервые получив право участвовать в президентских выборах, отдал свой голос за Ричарда

6 Никсона. «Никсон сказал, что планирует вывести войска Вьетнама, — говорит она обычно с веселым блеском в глазах, — и *Стив ему поверил!*»

Совершенно верно, Стив ему поверил. И это далеко не все, во что поверил Стив за свою жизнь, иной раз принимавшую необычный оборот. Я точно последним в своем районе пришел к выводу, что все эти Санты на уличных перекрестках свидетельствуют о том, что *настоящего* Санты не существует (я по-прежнему не вижу логики в этой идее — с тем же успехом можно утверждать, что наличие миллиона учеников доказывает отсутствие учителя). Я никогда не ставил под сомнение слова дяди Орена, что тень можно оторвать от человека стальным колышком для палатки (если вбить его точно в полдень, минута в минуту), или убежденность его жены в том, что всякий раз, когда тебя пробирает дрожь, гусь проходит по твоей будущей могиле. В *моем* случае сие должно означать, что меня похоронят за амбаром тети Роуди в Гуз-Уэллоу, штат Вайоминг.

Я также верил во все, что мне говорили на школьном дворе, проглатывал и невинные шутки размером с мелкую рыбешку, и чудовищную ложь величиной с кита. Один парень сказал мне с абсолютной уверенностью, что поезд неминуемо потерпит крушение, если положить на рельс десятицентовик. Другой заверил, что положенный на рельс десятицентовик идеально расплющится (так и сказал — *идеально расплющится*) колесами прошедшего поезда, и ты получишь гибкую, почти прозрачную монету диаметром с серебряный доллар. Лично я верил, что обе версии соответствуют действительности: десятицентовики, оставленные на рельсах, идеально расплющиваются, отправляя под откос расплющившие их поезда.

Другие захватывающие факты, которые я почерпнул за годы, проведенные в Центральной школе Стратфорда, штат Коннектикут, и Начальной школе Дарема, штат Мэн, касались мячей для гольфа (с отравляющим и разъедающим веществом внутри), выкидышей (ино-

гда при этом на свет появлялись живые дети, деформированные монстры, и их приходилось убивать сотрудникам больниц, зловеще именуемым *медсестрами особого назначения*), черных кошек (если одна пересекала тебе дорогу, следовало как можно быстрее плюнуть через левое плечо, или до конца дня тебя ждала практически неминуемая смерть) и трещин на тротуаре. Вероятно, мне нет нужды объяснять потенциально опасную связь между этими трещинами и позвоночниками ни в чем не повинных матерей.

В те дни моим главным источником удивительных и захватывающих фактов служили книжки в обложке «От Рипли: хочешь — верь, хочешь — нет!»* издательства «Покет букс». Именно из «Рипли» я узнал, что можно изготовить мощное взрывное устройство, если соскрести целлулоид с рубашек игральные карты, а потом набить им кусок трубы; что можно просверлить круглую дыру в черепахе и вставить в нее свечу, превратив себя в живой фонарь (только много лет спустя я задался вопросом, а с какой стати у кого-то возникло такое желание); что существуют настоящие гиганты (рост одного мужчины превышал восемь футов), настоящие эльфы (одной женщины — не достигал и одиннадцати дюймов) и настоящие **МОНСТРЫ, СЛИШКОМ УЖАСНЫЕ, ЧТОБЫ ИХ ОПИСАТЬ...** хотя «Рипли» описывал, во всех подробностях и обычно с картинкой (даже если доживу до ста лет, не забуду парня со свечой, торчащей из выбритого черепа).

Эти книги открывали (по крайней мере, мне) самые удивительные миры, которые я мог носить в заднем кармане джинсов и которыми наслаждался в дождливые выходные, когда не показывали бейсбол, а играть

* «От Рипли: хочешь — верь, хочешь — нет!» — целая индустрия ознакомления общественности с удивительными, зачастую вымышленными фактами, придуманная американским карикатуристом и шоуменом Лероем Робертом Рипли (1890—1949) и включавшая газетные сериалы, радио- и телепередачи, выставки, книги, журналы, комиксы и т. д. — *Здесь и далее примеч. пер.*

8 в «Монополию» надоедало. Были ли все знаменитые диковинки и человеческие монстры из «Рипли» настоящими? В таком контексте вопрос кажется неуместным. Для *меня* они были настоящими, и вполне возможно, что в промежуток между шестью и одиннадцатью, в критические годы, когда формируется воображение человека, они были для меня супер-настоящими. Я верил этим книжкам так же, как верил, что можно отправить поезд под откос, положив на рельс десятицентовик, или что несколько капель жидкости из мяча для гольфа «сожрут» кисть в мгновение ока, если проявишь неосторожность. Именно благодаря книжкам «От Рипли: хочешь — верь, хочешь — нет!» я впервые увидел, как тонка грань между потрясающим и обыденным, начал понимать, что их близость не только разъясняет привычные аспекты жизни, но и проливает свет на случайные невероятные отклонения. Не забывайте, сейчас говорим о *вере*, а вера — колыбель мифа. А как же реальность, спросите Вы? Что ж, если говорить обо мне, то реальность может катиться куда подальше на вращающемся пончике. Я никогда не держался обеими руками за реальность. Во всяком случае, в моих произведениях. Слишком часто для воображения реальность — тот же ясеневый кол для вампира.

Я думаю, миф и воображение — взаимозаменяемые понятия, и вера — источник их обоих. Вера во что? По правде говоря, вряд ли это имеет особое значение. В одного бога или во многих. А может, в десятицентовик, способный отправить под откос товарный поезд.

Мои убеждения не имеют ничего общего с религиозной верой. Давайте сразу проясним ситуацию. Я был воспитан методистом и в достаточной степени придерживаюсь фундаменталистских представлений, которым меня учили в детстве, а потому назвал бы подобное заявление нелепостью, если не богохульством. Я верил во все странное, потому что в меня заложена вера во все странное. Другие люди участвуют в забегах, потому что в них заложено умение быстро бегать, или играют в баскетбол,

потому что Бог даровал им рост в шесть футов и десять дюймов, или решают длинные уравнения на доске, потому что интуитивно знают, куда что подставить.

Однако вера в Бога как-то укладывается во все это, и я думаю, что она связана с необходимостью вновь и вновь возвращаться к одному и тому же, пусть даже в глубине души ты веришь, что никогда не сможешь сделать это лучше, чем уже сделал, а если будешь упорствовать, то просто покатишься вниз. Тебе нечего терять, когда ты первый раз бьешь по пиньяте. Но нанести второй (и третий... и четвертый... и тридцать шестой) удар — это риск неудачи, падения и, в случае автора рассказов, работающего в достаточно узком жанре, самопародии. И тем не менее, мы продолжаем бить, по крайней мере, большинство из нас, и нам становится трудно. Я не поверил бы в это двадцать лет тому назад, даже десять, но теперь так оно есть. Становится трудно. Бывают дни, когда я думаю, что мой старый компьютер «Уонг» лет пять как перестал работать на электричестве, сразу после написания «Темной половины», и теперь его приводит в действие исключительно вера. Но это нормально. Главное, чтобы слова бежали по экрану, правда?

Идея каждого из рассказов этого сборника приходила ко мне в момент озарения, и писались они на волне веры, счастья и оптимизма. Эти позитивные чувства имеют свои темные аналоги, и страх неудачи — далеко не самый худший из них. Самый худший — во всяком случае, для меня — не дающая покоя мысль, что я, возможно, сказал уже все, что мог, и теперь слушаю нудное бормотание собственного голоса, потому что тишина будет слишком пугающей.

Прижок веры, необходимый для того, чтобы сделать реальностью короткий рассказ, в последние несколько лет дается мне все труднее. Складывается ощущение, что все мои произведения хотят стать романами, а каждый роман — растянуться на четыре тысячи страниц. Доста-

10 точно много критиков упомянули об этом, обычно без особой радости. В рецензиях на каждый длинный роман, написанный мною, от «Противостояния» до «Нужных вещей», меня обвиняли в многословии. В некоторых случаях критика была обоснованной, в других — напоминала злобное твяканье мужчин и женщин, воспринявших литературную анорексию последних тридцати лет с непонятным (во всяком случае, мне) спокойствием. Эти самозванные священники Церкви последнего дня американской литературы относятся к словесной щедрости с подозрением, к богатой фактуре — с неприязнью, а к широким литературным мазкам — с откровенной ненавистью. В результате «Голос» Николсона Бейкера становится предметом восхищенных дискуссий и анализа, тогда как поистине грандиозный американский роман Грегга Мэттьюза «Сердце страны» проходит незамеченным.

Однако все это как бы между прочим, не просто отклонение от темы, но еще и толика нытья: в конце концов, есть ли писатель, который считает, что к нему или к ней критики относятся с должным уважением? Вот о чем я начал говорить, прежде чем так грубо перебил себя: усилие веры, что превращает момент откровения в реальный предмет — то есть рассказ, который люди действительно захотят прочитать, — в последние несколько лет дается мне чуть труднее.

«Что ж, не пиши их, — скажет кто-нибудь (обычно это голос в моей голове, как у Джесси Берлингейм из «Игры Джералда»). — В конце концов, сейчас тебе не нужны деньги, в отличие от прошлых времен».

И это справедливо. Дни, когда чек, полученный за чудо из четырех тысяч слов, позволял купить пенициллин для лечения ушной инфекции кого-то из детей или оплатить аренду квартиры, давно в прошлом. Но такая логика не просто фальшива — она опасна. Видите ли, если на то пошло, мне не нужны и деньги, которые приносят романы. Если бы речь шла только о деньгах, я мог бы повесить форму на крючок и отправиться в душ...

или проводить остаток дней на каком-нибудь карибском острове, нежась в солнечных лучах и проверяя, насколько длинными отрастут ногти.

Но дело как раз не в деньгах, что бы ни говорили глянцевого таблоиды, и не в огромных тиражах, во что, похоже, действительно верят самые заносчивые критики. Фундаментальные основы не меняются, и моя цель осталась прежней: добраться до *Вас*, постоянный читатель, задеть за живое и, если удастся, испугать так сильно, что Вы не сможете спать с выключенным светом. Моя цель в том, чтобы увидеть невозможное... и рассказать об этом. Заставить Вас поверить во все, во что верю я, хотя бы на короткое время.

Я редко об этом говорю, потому что смущаюсь, и это звучит напыщенно, но я считаю, что истории очень важны. Они не только обогащают жизнь, но иногда и спасают ее. В прямом смысле. Хорошо написанное произведение — хорошая *история* — это боек воображения, а предназначение воображения, как я считаю, — предлагать нам утешение и защиту в жизненных ситуациях, которые в противном случае оказываются невыносимыми. Я, разумеется, могу говорить только о собственном жизненном опыте, но воображение, в детстве так часто не дававшее мне заснуть и пугавшее меня, в зрелом возрасте помогло одержать победу в столкновениях с жуткой реальностью. Если истории, созданные этим воображением, в той же степени помогли людям, которые их прочитали, тогда я абсолютно счастлив и всем доволен — а насколько мне известно, сделки по продаже прав на экранизацию или многомиллионные книжные контракты не приносят таких чувств.

Но все же рассказ — сложная, смелая литературная форма, и вот почему я так рад — и так удивлен, — обнаружив, что у меня их достаточно для третьего сборника. И собрались они вместе в подходящее время, потому что ребенком я, среди прочего, свято верил (несомненно, я почерпнул этот факт в одной из книг «От Рипли: хочешь — верь, хочешь — нет!»), что за

12 семь лет человек обновляется полностью: на каждом участке кожи, в каждом органе, каждой мышце все клетки заменяются новыми. Я подготовил сборник «Ночные кошмары и фантастические видения» летом 1992 года, через семь лет после публикации «Ночной смены», моего последнего сборника рассказов, а «Команда скелетов», мой первый сборник рассказов, увидел свет за семь лет до «Ночной смены». И это прекрасно — осознавать, что такое по-прежнему возможно, пусть все труднее совершать прыжки веры и воплощать идеи в реальность (прыгательные мышцы тоже стареют с каждым днем, знаете ли). И не менее прекрасно знать, что кто-то хочет прочитать эти рассказы, и это Вы, постоянный читатель, уточняю на всякий случай.

Самый старый из этих рассказов (моих версий смертельно опасной жидкости в мячах для гольфа и абортивных монстров, если хотите) — «Центр притяжения», впервые опубликованный в «Болотных корнях», литературном журнале Университета Мэна, хотя я существенно переработал его для этой книги, чтобы он смотрелся лучше, чем ему, похоже, того хотелось: последний взгляд на обреченный городок Касл-Рок. Самый свежий — «Перекурщики», написан за три лихорадочных дня летом 1992 года.

В сборнике есть настоящие диковинки: первый вариант моей единственной оригинальной, а не переделанной из рассказа или повести телепессы; шерлохольмская история, в которой доктор Ватсон берет расследование преступления на себя; история из мифов Ктулху, место действия которой — пригород Лондона, где жил Питер Страуб, когда я с ним познакомился; крутая криминальная история в стиле Ричарда Бахмана; чуть измененная версия рассказа «Мой милый пони», который впервые был выпущен ограниченным тиражом Музеем американского искусства Уитни с иллюстрациями Барбары Крюгер.

После долгих раздумий я также решил включить в сборник достаточно объемное нехудожественное про-

изведение «Голову ниже!», о детях и бейсболе. Впервые оно появилось в «Нью-Йоркере», и мне, возможно, пришлось попотеть над ним сильнее, чем над любым другим, написанным за последние пятнадцать лет. Это не значит, что оно лучше всех, но я точно знаю, что работа над ним и публикация принесли мне огромное удовлетворение, и именно по этой причине оно в сборнике. Разумеется, среди историй о неведомом и сверхъестественном оно может показаться неуместным... но, с другой стороны, ему здесь самое место. У него та же фактура. Посмотрим, может, Вы со мной и согласитесь.

К чему я стремился сильнее всего, так это держаться подальше от историй «с бородой», историй, пахнущих нафталином, историй, давно пылящихся на полке. Где-то с 1980 года некоторые критики утверждают, что я могу опубликовать список сданного в прачечную белья и продать миллион экземпляров, но пусть это утверждение останется на совести тех, кто думает, что именно этим я и занимаюсь. Люди, которые читают мои произведения ради удовольствия, очевидно, думают иначе, и я подготовил этот сборник с мыслями о таких читателях, а не о критиках. В результате получилось некое подобие пещеры Аладдина, книга, которая завершает трилогию, куда уже вошли «Ночная смена» и «Команда скелетов». Все хорошие истории теперь объединены в сборники, все плохие сметены как можно глубже под ковер, где и останутся. Если суждено появиться еще одному сборнику, он будет состоять из историй, не только еще не написанных, но пока даже не задуманных (в которые, если хотите, я еще *не поверил*), и появится он, подозреваю, уже в году, который начнется с цифры 2*.

А пока предлагаю Вам двадцать с небольшим рассказов (среди них, должен предупредить, есть очень и очень странные). И в каждом есть то, во что я какое-то время верил, и я знаю, некоторые вещи — палец, торча-

* Следующий сборник рассказов «Все предельно» опубликован в 2002 г.

14 ший из раковины, жабы-людоеды, голодные зубы — могут напугать, но я думаю, все закончится хорошо, если мы пойдем вместе. Главное, повторайте за мной, как катехизис:

Я верю, что десятицентовик может пустить под откос товарный поезд.

Я верю, что в канализационных тоннелях Нью-Йорка живут крокодилы, не говоря уже о крысах, больших, как шетлендские пони.

Я верю, что можно оторвать от человека тень, прибив ее стальным колышком для палатки.

Я верю, что существует настоящий Санта-Клаус, а все эти парни в красных шубах на Рождество — действительно его помощники.

Я верю, что нас окружает невидимый мир.

Я верю, что теннисные мячи наполнены ядовитым газом, и можно умереть, если вскрыть мяч и вдохнуть вышедший воздух.

И самое главное: я *верю* в привидения, я *верю* в привидения, я *верю* в привидения.

Повторили? Готовы? Вот моя рука. Мы отправляемся. Дорогу я знаю. Все, что от Вас требуется, — держаться крепко... и верить.

*Бангор, штат Мэн
6 ноября 1992 г.*

ПРОСНУЛИСЬ? СПИТЕ?
ПО КАКУЮ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ
НА САМОМ ДЕЛЕ НАХОДЯТСЯ СНЫ?

«КАДИЛЛАК» ДОЛАНА

Мечь лучше вкушать холодной.

Испанская пословица

Семь лет я ждал и следил за ним. Я наблюдал за ним, за Доланом. Я видел, как он расхаживает по шикарным ресторанам, одетый в пижонский смокинг, каждый раз — под руку с новой девицей и под бдительным прищмотром пары громил-охранников. Я видел, как из пепельно-серых его волосы стали модными «серебристыми». Мои же только редели, пока и вовсе не сошли на нет. Я видел, как он покидает Лас-Вегас в своих регулярных паломничествах на Западное побережье. Я видел, как он возвращается в город. Пару раз я наблюдал с боковой дороги, как его седан «девил» — тоже серебристый, под цвет его модных волос — со свистом пролетает по шоссе номер 71 в сторону Лос-Анджелеса. Я видел, как он выезжает из дома на Голливуд-Хиллс на том же сером «кадиллаке», возвращаясь в Лас-Вегас, — но такое случалось нечасто. Сам я школьный учитель. В плане свободы передвижений школьные учителя никогда не сравнятся с крутыми бандитами — таков непреложный закон экономики.

Он не знал, что за ним следят — я не давал ему ни малейшего повода заподозрить хоть что-нибудь. Я держался на расстоянии. Я был осторожен.

Он убил мою жену — или приказал, чтобы ее убили; итог один, как ни крути. Хотите подробности? От меня вы их не дождетесь точно. Если хотите, можете порыться в подшивках газет. Ее звали Элизабет. Она тоже была учительницей. Мы с ней работали в одной школе. В той самой школе, где я работаю до сих пор. Она учила первоклашек. Они ее обожали. И я, наверное, не ошибусь, если скажу, что многие из них помнят ее до сих пор, хотя теперь они уже подростки. Я любил ее и люблю до сих пор. Она была далеко не красавицей — но она была очень милой. Хотя и тихоня, она умела и любила смеяться. Она часто мне снится. Ее огромные карие глаза. Для меня никогда не было других женщин, кроме нее. Не было и не будет.

Он прокололся, Долан. Вот все, что вам надо знать. А Элизабет оказалась поблизости — не в том месте не в то время. Она все видела. Пошла в полицию, полиция отправила ее в ФБР, ее допросили, она сказала: «Да, я буду давать показания». Они обещали ее охранять, но то ли сгруппили, то ли недооценили Долана. Может, и то и другое вместе. Как бы там ни было, однажды вечером она села в машину, и заряд динамита, подключенный к замку зажигания, сделал меня вдовцом. *Он* сделал меня вдовцом — Долан.

Нет свидетелей — нет обвинения. Его отпустили.

Он вернулся в свой мир, а я — в свой. Апартаменты в пентхаузе в Вегасе — для него, типовой дом в районе массовой застройки — для меня. Вереница роскошных красоток в мехах и открытых вечерних платьях — для него, тишина и молчание — для меня. Для него — серые «кадиллаки» (за эти годы он успел поменять четыре машины). Для меня — неизменный «бьюик-ривьера», разваливающийся на ходу. Его волосы поседели, мои поредели и выпали.

Но я следил.